

12 июля 1984 г. № 83 [5871]

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

НЕЖНОСТЬ С ГОРЕЧЬЮ ПОПОЛАМ

Фильмы режиссера Эльера Ишмухамедова всегда отличаются «легкое дыхание» сюжета, свободного, ненавязчивого, лишённого псевдомногозначности. Обаяние какой-то трепетной романтичности, возникающей, как сказал поэт, «из ничего и ниоткуда» — из пелены свежего ташкентского дождя, из сутолоки уличной толпы, из теплого мерцания тусклых фонарей. И, наконец, их отличает ясность и

цельность героев — прямодушных и добрых, прочных и нежных... «Влюбленные», «Встречи и расставания», «Птицы наших надежд», «Какие наши годы!». Одни из них были удачны больше, другие меньше, но ощущение авторской исповеди возникало всегда, и всегда возникало желание продлить с режиссером диалог — уже за пределами экрана. И вот — встреча и долгий разговор.

— Режиссер — не судья своим картинам, — говорит Эльер. — И не ему оценивать, удались они или нет... Но годы даруют если не мудрость, то трезвость взгляда на прожитое, на сделанное. Сегодня, рассматривая свои первые картины «Нежность» и «Влюбленные» «холодными глазами», видишь в них много изъянов, просчетов, профессиональных ошибок, идущих от молодости. И я не понимаю кокетства иных режиссеров, которые утверждают, что с годами в своих первых работах не стали бы ничего менять. Я бы поменял многое... Но и многое бы оставил, и прежде всего — свежее дыхание подлинных чувств, потрясений, волнений, ошибок. Это то, что нельзя симитировать, привнести искусственно в фильм. Вместе с моим другом драматургом О. Агишевым мы тогда как умели, как могли рассказывали о том, что нас тревожило, радовало, разочаровывало в жизни, во что мы верили.

Из первых двух картин мне нравятся сегодня больше «Нежность». В ней, кажется, есть ощущение длящейся, неостановимой жизни, текущей и за рамками сюжета, экрана, есть сложное переплетение судеб, настроений, эмоций. Мне хотелось, чтобы, помните, как в финале картины на лице девушки, одиноко затерявшейся среди праздничного карнавала, читалась сложная гамма чувств.

Что касается картины «Влюбленные», то я ее поначалу не хотел делать, опасаясь самоповтора. Что же все-таки заставило взяться тогда за камеру?

В те годы я много смотрел зарубежных фильмов — это были работы Антониони, Курасава, Бергмана, Феллини. Там каждый кадр заявлял о своем совершенстве, там каждая мизансцена годилась в учебники по кино, и все же после просмотра возникало нередко чувство протеста, несогласия с концепцией фильмов. Ибо почти все из них были об одном: о невозможности любви, о тщетности надежд, о призрачности человеческих отношений. Но мы были тогда очень молоды, мы ждали любви, мы верили в будущее, мы надеялись на преданность друзей. И потому возник фильм «Влюбленные» — как гимн прекрасной, чарующей, загадочной жизни, гимн молодости, яркости первого чувства, надежности мужского рукопожатия. Важно верить в жизнь, в себя, в людей, в доброту, в ясность солнечного утра, в преходящность страданий, неприятностей — такую программу всем своим существом утверждали герои фильма, выражая в то же время и наше мироощущение...

К словам режиссера нужно только добавить, что фильмы «Нежность» и «Влюбленные» отразили мироощущение не только авторов, но и их сверстников, выросших уже в послевоенное, мирное время. И не случайно сегодня без этих картин трудно представить наш многонациональный экран. Тонкий лиризм и ясность нравственных оценок, внимание к повседневности и стремление говорить о вещах всеобщих, категориях непреходящих — все это сформировало стиль авторов, отмеченный своеобразием, подкупающее мягкой интонацией, слегка подернутой дымкой грусти. Но уже «Влюбленные» показали, что эксплуатировать найденное больше нельзя, что лирическую интонацию — слишком личностную, а потому в чем-то ограниченную — надо как бы «разомкнуть». Так появился фильм «Встречи и расставания» — во многом философичный, драматический, даже с привкусом трагедии.

— «Встречи и расставания», — рассказывает режиссер, — картина для нас с Агишевым была принципиально новая, выводящая разговор на более широкий круг вопросов, нежели это было раньше. Мы хотели понять, что такое земля, на которой выросли, какими корнями мы с ней связаны.

Поводом, непосредственным толчком для создания картины послужил реальный случай, происшедший в Австралии. Я был в этой стране в туристической поездке, и мне рассказали о старой че-

те русских людей, оказавшихся далеко от Родины. Они были богаты, имели прекрасную виллу, но однажды в Австралию приехал наш ансамбль «Березка»... Они посмотрели весь концерт, а потом вернулись в свой дом и отравились, написав лишь маленькую записку: «О Родина, Родина...».

Родина — слово очень большое, емкое, многозначное. Для кого-то это целая страна, для кого-то — маленький кишлак, но очень часто эти понятия живут в сердце, как бы прорастая друг в друга. Я вспоминаю еще один случай, который, наверное, каким-то образом отразился в картине, ведь каждая новая работа — это сплав твоего опыта, мыслей, чувств, переживаний, обретений и потерь. Помню, я одно время был в каком-то потерянном состоянии духа, ничто меня не радовало, ничего не писалось, не хотелось снимать. В городе я сел в такси и односложно стал говорить шоферу команды «налево», «направо», не имея определенной цели. И вот я оказался в деревне, где живет мой дед, где прошли лучшие минуты моего детства. И здесь со мной произошло что-то невероятное, я увидел, как меня здесь ждут, почувствовал, как радостен бывает смех... Прикосновение к родному, с детства знакомому миру простых и ясных чувств словно исцелило меня. Может быть, я тогда впервые осознал слово «Родина» в его сложной и загадочной глубине.

Вот всего лишь два случая из суммы разнородных впечатлений, поездок, встреч и расставаний, которые постепенно, исподволь подводили нас с Агишевым к теме фильма «Встречи и расставания». Мы часто в то время бывали за границей, много думали о родных местах, тосковали по ним, понимали истинную цену привычных понятий, значение которых обострила кратковременная разлука. И не случайно картина первоначально называлась «Обретение» — о постепенном глубоком осознании чувства Родины молодым парнем, работающим в зарубежной командировке. Прикоснувшись к чужому миру, к горю и отчаянию людей, оставшихся без Отечества, наш герой постигает всю животворность неразрывных уз, связывающих его с родной землей.

В этом месте мне хотелось поспорить с режиссером. Действительно, тема обретения Родины — главенствующая в фильме. Но она решена скорее пластически — через ряд завораживающих панорам родной земли, через тонкие и лиричные съемки деревенского праздника, рождающие у главного героя Рустама ностальгию, через столкновение кадров чужой и нашей жизни. Но вот как это чувство прошло через сердце, душу Рустама — этого мы из фильма так до конца и не узнаем. Он порой слишком безмятежен, наблюдая чужие встречи и расставания, мир его чувств слишком бесконфликтен. Усложнив тему фильма, авторы поставили в центр все того же лирического героя, знакомого нам уже по первым их фильмам. Мне кажется, что этот просчет почувствовал и сам режиссер, потому что в следующих своих работах он, сохранив присущую ему поэтичность, обратился к характерам сложным, конфликтным, социально острым, краскам жестким. И если фильм «Птицы наших надежд», впервые сделанный без участия Агишева, знаменует собой скорее этап издержек на пути к неизведанному, то картина «Какие наши годы!» покоряет новым качеством режиссуры, отказом от наработанного багажа. Ишмухамедов смотрит на своих героев не только с нежностью, но и вполне осознанной горечью, ведь не все из них остались верны заветам своей юности.

— Эта картина для нас с Агишевым во многом итоговая, — продолжает режиссер. — Она как бы завершает цикл фильмов, начатый «Нежностью». И не случайно в фильме «Какие наши годы!» есть ряд переключек с нашей первой работой. Помните Санжара из «Нежности» — доверчивого, открытого пареня, словно источающего обаяние, оптимизм, жизнелюбие? В картине «Какие наши годы!» этот же актер играет героя, повзрослевшего лет на

15, утратившего за это время и доверчивость, и простодушную контактность, зато выработавшего в себе хватку, нахрапистость, «умение жить». Так в этой картине мы словно прощаемся с юношескими иллюзиями.

Молодость — удивительная пора, сотканная из первой влюбленности, неясных грез, романтических порывов души. Но она проходит, и жизнь предстает такой, какой она на самом деле — погруженная в быт, работу, стрессы, требующая от каждого человека цельности, нравственной определенности, способности не поддаваться компромиссам. Наш главный герой Таш, подобно Родину из «Влюбленных», сохранил в себе лучшие качества, вынесенные из юности, он их закалил и упрочил в борьбе с невзгодами, в то время как Шухрателл, спекулирующий дефицитными лекарствами, и отчасти Назар, выгодно женившийся, поддались соблазну «красивой жизни» и в общем-то предали идеалы юности...

«Какие наши годы!» — картина для Агишева и Ишмухамедова принципиальная, в которой открыто, остро сталкиваются разные мировоззренческие позиции. Наверное, не все удалось авторам в этом фильме, и «остаточные явления» безмятежно-лирического стиля порой диссонируют с жестким характером разговора, то и дело ослабляя силу главного конфликта, который решается едва ли не в публицистических тонах. Но и ошибки не проходят для серьезного художника бесследно... Мне кажется, что без последних своих картин Ишмухамедов не смог бы поставить «Юность гения» — самую гармоничную и зрелую свою работу, отмеченную на Всесоюзном фестивале в Ленинграде Главным призом. Здесь счастливо соединились и трезвость взгляда на события прошлого, и острая современность подхода к личности героя, и присущая его ранним картинам лиричность, без которой повествование о Х веке осталось бы холодным и бесстрастным.

— Когда мне предложили снять фильм об Авиценне, я сначала отказался, — считал и считаю себя приверженцем современной темы. Потом отказался вторично. И лишь с третьего раза согласился, прочитав уже готовый сценарий Агишева. Заинтересовала эпоха, заинтересовали личность самого героя, его идеи. Имя Авиценны — одно из самых светлых в истории земли, на которой я родился. Это был замечательный медик, философ, поэт, математик, естествоиспытатель. Он уже к 10 годов знал многие науки, а к 17 его достигла слава непревзойденного врача. Но, несмотря на столь поразительные успехи, он яростно работал над собой, целиком посвятив всего себя идее служения человечеству. Этой своей устремленностью в будущее, глубоким гуманизмом Авиценна, конечно же, близок нам и сегодня. Мы с Агишевым не стремились сделать канонический исторический фильм. Соблюдая в главном точность реалиям X века, мы думали о современном звучании картины. Ибо тема совести, честного служения науке, искусству, тема выбора жизненной позиции — столь же злободневна, сколь и вневечна. И в этом смысле «Юность гения» — не отступление от наших принципов, не бегство в седую старину, а подготовка к новой картине о современности. Мы надеемся, что прикосновение к глубокой истории поможет взглянуть на проблемы сегодняшнего дня более остро, зрело, масштабно...

Недавно я приступил к работе над новой картиной «Прощай, зелень лета». Ее сценарий мы написали вместе с молодым драматургом Джасуром Исаковым, поскольку с моим другом и соратником Агишевым на время решили поработать порознь. О чем сценарий? По внешним параметрам он как бы повторяет проблематику и стилистику моих первых работ, но ведь давно известно, что нельзя войти в одну реку дважды. И я надеюсь, что эта лента станет для меня не повторением прошлого, а новым витком спиралью...

Беседу вел
Л. ПАВЛЮЧИК.